

части делаются любителями литературных новинок по собственному почину. «Наши грамотей каким-то чутьем находили в польской литературе знаменитые новеллы и романы и передавали их на своем языке», — писал А. Н. Пыпин.⁸

Но ряд книг переводится и по специальному указанию, причем перевод поручается определенным лицам, главным образом переводчикам Посольского приказа, хотя они и не были подготовлены к литературной работе.⁹ Так было переведено по желанию царя Алексея Михайловича и под присмотром его духовника протоиерея Постникова «Великое Зерцало», так переводились пьесы для придворного театра и другие литературные и нелитературные произведения.¹⁰

Интерес к переводной научной, нравоучительной и развлекательной литературе объясняется в XVII в. различными причинами: общими, указанными выше и обусловленными процессом исторического развития русского общества, и индивидуальными для каждого отдельного произведения. Последние причины необходимо по возможности вскрыть и уточнить. Можно, например, поставить вопрос: почему понадобилось переводить на русский язык такой на первый взгляд сугубо католический сборник, как «Великое Зерцало»? А. И. Клибанов в своем докладе о возникновении сектантства на Руси¹¹ указал, что в XVII в. в русском обществе начинает появляться свободомыслие, своеобразный рационализм. Появляются люди, которые утверждают, что бога нет, что свет сам по себе стоит, что нет ни царства небесного, ни вечной муки. Нельзя ли предположить, что именно против этих вольнодумцев и была направлена нравоучительная, идущая с Запада книга, в которой в ярких картинах показывались и райское блаженство, и мучения грешников, повествовалось о чудесах, совершаемых представителями христианского олимпа, и прославлялись бог, богородица, ангелы и святые? Полезными казались и те рассказы «Зерцала», где раскрывались и осуждались пороки духовенства. Такие явления наблюдались и в русской жизни. По мысли организаторов перевода, подобная критика должна была укрепить церковь, потерявшую к XVII в. свое ведущее положение, очистить ее от недостатков. С другой стороны, «Великое Зерцало» давало возможность читателю расширить круг чтения, связанного с вопросами религии и церкви, ограниченного до этого лишь «священным писанием» и творениями отцов церкви. Это также могло быть причиной, почему царь Алексей Михайлович оказался инициатором перевода этого любопытного сборника, которому суждено было сыграть на русской почве такую большую и заметную роль.

Среди переводных повествовательных произведений первое место занимают авантюрные романы и повести, часто с весьма запутанной фабулой, со сказочными приключениями героев. Таковы повести о Бове, о Петре Златые ключи, об Оттоне и Олунде, о Василии Златовласом, о короле Брунцвике, о королевице Валтасаре, об Аполлонии Тирском, о Мелюзине. Такие же занимательные повести с фантастическими подробностями русский читатель находил и в сборниках «Римские деяния» и «Повесть о семи мудрецах».

⁸ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 250—251.

⁹ См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 42—45.

¹⁰ См.: В. П. Зубов. Литературный памятник итальянского Возрождения в русском переводе конца XVII в. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 433—439.

¹¹ Доклад был сделан на заседании Сектора феодализма Института истории АН СССР 12 X 1962.